Текст · 24 февраля 2023, 11:01
Алла Константинова,

«Этого просто не может быть». Год войны в рассказах фотокорреспондентов

Эвакуация из Ирпеня и эксгумация тел в Изюме, улицы Бучи и хоспис в Часовом Яре, проводы поезда в Киеве и бои под Бахмутом, черниговские школьники на танках и похороны младенца в Вольнянске — «Медиазона» попросила фотографов, которые работали в этот год в Украине, рассказать о войне и самых важных для них кадрах.

Хайди Левин. «Фотоаппарат не ограждает от чувств и эмоций»

В Украину я приехала за несколько дней до начала российского вторжения — и встретила войну в Киеве. Во время работы я довольно эмоциональна, ведь я всего лишь по ту сторону картинки. Фотоаппарат не ограждает меня от собственных чувств и эмоций. А события в Украине я воспринимала особенно болезненно: мой прапрапрадедушка родился в Киеве, у меня с обеих сторон родственники отсюда, хотя я и недостаточно хорошо знаю свою родословную.

Уже больше 30 лет я освещаю палестино-израильский конфликт. Мои дети родились в Израиле и росли во время второй интифады[1], когда было много террористов-смертников. Но я изо всех сил старалась научить их не испытывать ненависти к той стороне конфликта, и кажется, у меня получилось. В первые

дни войны в Украине я чувствовала невероятное изумление от того, что она вообще происходит. Как будто мы вообще ничего не поняли из истории и забыли обо всех ужасах прошлого. Я смотрела на фото людей, которые пытаются бежать из Украины с детьми, кошками, собаками, и все это возвращало меня к рассказам и снимкам времен Второй мировой войны. Все эти обстрелы гражданских объектов, под которыми гибли мирные жители, — эта война сделала жизнь людей невыносимой.

Эвакуация мирных жителей из Ирпеня. Фото: Heidi Levine

Когда я думала о том, какие эпизоды войны шокировали меня больше всего в течение этого года, я вспомнила старушку из Ирпеня. Она вместе с другими жителями города пыталась эвакуироваться, и ее посадили в тележку из супермаркета. Моя бабушка умерла в 2002-м, я смотрела на эту пожилую женщину в тележке и думала: «Но сейчас же 2022 год! Этого просто не должно сейчас происходить, этого просто не может быть...».

External embed

https://s3.zona.media/i/b0bfbd33beca504e9922c7f70ba0e74e

В Буче я была шокирована видом двух тел мужчин со следами пыток. У одного из них была отрезана голова — череп лежал рядом с телом. У второго были следы на шее — ему тоже пытались отсечь голову,

но не получилось. Два свидетеля тогда рассказали, что видели, как однажды [российские] военные разговаривали с этими мужчинами, а на следующий день пришли за ними, пьяные, и казнили их.

Похороны погибшего во время российского обстрела младенца в Вольнянске, 26 ноября 2022 года. Фото: Heidi Levine

Это не первый убитый в Украине ребенок, которого я фотографировала, но точно самый маленький: ему было два дня, когда он погиб под обстрелом в роддоме Вольнянска. Вести съемку на его похоронах я старалась очень аккуратно и почти незаметно. Мы были там единственными фотографами, и я боялась нечаянно расстроить чем-то эту несчастную семью. Одновременно я старалась не думать о своей дочери, которая в тот момент была на девятом месяце беременности. Да я и сама мать троих детей...

Когда гробик стали опускать в могилу, он показался таким маленьким по сравнению с ней. Единственное, о чем я думала в тот момент: какая эта яма одинокая, темная и холодная... Это точно не место для новорожденного ребенка, малыша должны согревать руки матери, он должен быть вместе с ней, в безопасности. А там происходило нечто совершенно противоположное... противоположное жизни. Я видела много похорон, но эти были такими, что невозможно описать словами. Образ того мертвого малыша до сих пор преследует меня.

Когда я опубликовала это фото у себя в инстаграме, публикация собрала больше 35 тысяч комментариев, часть которых я пыталась прочесть. И среди них были комментарии из России о том, как это ужасно. Но были и россияне, которые писали, что не верят в эту смерть, что та женщина не могла выжить, а ее ребенок — вот так погибнуть, что это фейк. Но это не фейк. Это ужасающая реальность войны.

Ефрем Лукацкий. «Перестал себя чувствовать человеком»

Снимок был сделан с коптера возле поселка Макаров, недалеко от Киева, в апреле 2022 года. Я ехал по проселочной дороге и увидел стаю ворон метрах в пятистах от дороги. Там у дороги также лежали части ракет, разбитая техника — в этом месте очень жесткие бои были. Подъехал и увидел сгоревший российский боевой вертолет «Терминатор»[2] и разбросанные вокруг него тела экипажа.

Сгоревший российский вертолет и его погибший экипаж в Макаровском районе, Киевская область. Фото: Ефрем Лукацкий

Это были скелеты практически, птицы склевали их тела. У одного на руке было обручальное кольцо, а у вертолета сохранилась хвостовая часть, где указан номер — по нему легко было определить, откуда он прилетел в Украину. Так вот, прилетел он с Дальнего Востока России, где живет вообще-то очень

много выходцев из Украины. И я подумал про карму этих пилотов: может быть, у них здесь есть какие-то родственники, какие-то корни — и вот они прилетели сюда на своем боевом вертолете, бомбить эти несчастные села. А ведь пилоты — это элита, образованные люди, казалось бы. И я мучился вопросами, знаете. Но у меня не было сочувствия, и это меня мучило. Я перестал себя чувствовать человеком. Когда я вижу погибших гражданских, украинских военных... Я много видел трупов после обстрелов, это вызывало слезы. А тут... я видел много мертвых русских солдат в разных местах. Но сочувствия не было.

Яков Ляшенко. «Крови и мяса видел много»

Когда началась война, я дома был, в Харькове. Первую часть марта я занимался волонтерством: возил лекарства, еду, людей эвакуировал — все что мог. Потом я стал фиксером[3] для журналистов, в основном западных, и сам начал снимать, когда аккредитацию получил.

После поездок практически всегда накрывает адреналиновая зависимость. Плюс когда ты приезжаешь из горячих мест, сложно: дома сильная апатия, тебе ничего не хочется, смотришь в одну точку. Опустошение такое. Если в поездках адреналина много, то по возвращении его нет совсем. Пару дней по крайней мере я прихожу в себя. Не знаю, как других, но меня лично кроет.

Последняя поездка в Бахмут далась мне очень тяжело, меня как-то сильно накрывало. Я там и машину в поездке разбил — занесло, в бетонный блок въехал, и прилетало перед нами, по нашему маршруту, буквально за пару минут до того, как мы там проехали.

Раненый украинский боец под Бахмутом. Фото: Яков Ляшенко

Это под Бахмутом раненого бойца выводят из броневика, их бригада приехала с передовой. Там было много контуженых людей, тяжело на них смотреть было. Пытался сфотографировать одного из бойцов, когда его уже посадили в скорую, но он попросил меня не снимать: «Не хочу, чтобы мои родственники это увидели». И я его прекрасно понимаю.

External embed

https://s3.zona.media/i/bfe0986ec1cc9549239d965c5daf52d1

Когда приехали в первый раз в Бахмут, только заехали — город начали обстреливать «Градом». Мы спрятались, переждали обстрел и поехали искать, куда прилетело. И когда мы увидели лежащего на дороге мертвого мужчину, начал сыпать второй пакет «Града». Я выбежал из машины, упал на землю. Страшное чувство — пролетело в итоге метрах в ста, но по звуку казалось, что летит прямо в тебя, очень громко.

В первый наш приезд в Бахмут ракета попала в дом моих бабушки с дедушкой, который они продали в 2014 году. Я помню его, приезжал туда. Очень удивился я тогда.

External embed

https://s3.zona.media/i/51630e5dd8411bf87a1d7388a91b17b5

Эта женщина погибла у себя во дворе дома, там на фоне ее сын. Мы подъехали, нам говорят: «Там женщина ранена». Заходим и видим, что она мертва. А сын ее, видимо, в состоянии шока, говорит: «Надо ей помощь оказать». И мы как-то корректно пытались ему объяснить, что уже все.

Эксгумация в Изюме. Фото: Яков Ляшенко

Я был на эксгумации в Изюме, снимал в течение двух дней. Там 450 тел было захоронено в период оккупации, и на каждое тело у экспертов

уходило час-полтора. Пока выкопают, потом эксперт описывает: одежда, характер травм и все остальное. Помню, среди трупов было тело мужчины с завязанными руками, два пулевых, отрезана мошонка.

Крови и мяса видел много уже. Помню, как после начала войны в апреле увидел оторванные пальцы в Харькове в районе станции метро «Академика Павлова». Там люди стояли за гуманитарной помощью, и одна ракета «Града» попала прямо в очередь. Когда мы туда приехали, уже не было ни раненых, ни погибших, а была только такая лужа крови, накрытая пакетом. И два пальца оторванных на асфальте. Вот это для меня был первый шок тогда, конечно: еще час назад был человек, а сейчас осталось только два пальца.

Эд Рам. «Целая страна превращается в военную машину»

Я освещал военные конфликты в Афганистане, Ливии и Сомали, в ДР Конго, Мозамбике и Нагорном Карабахе, приезжал в Донбасс в 2019 году. Командировки длились обычно по десять дней или две недели, а за этот год войны я провел в Украине около семи месяцев — никогда раньше так долго не работал в зоне боевых действий.

На войне, когда постоянно находишься в самом центре событий, не отпускает чувство тревоги и при этом ты как бы проживаешь войну через других людей. Неважно, гражданские они или военные, чиновники, полицейские — для меня всегда поразительно наблюдать, как они реагируют на

происходящее, умудряются собраться и помогать своим близким. В зоне боевых действий видишь экстремальные проявления того, что это значит — быть человеком.

Разрушенный дом в Краматорске. Фото: Ed Ram

Когда приезжаешь в Украину, видишь, как целая страна превращается в такую военную машину, где каждый делает все, что может, чтобы отстоять право своей страны на независимое существование. Буквально сегодня мы были в окопах, и я там видел солдат, которые всего несколько месяцев назад никакими солдатами не были, а работали, допустим, в банке. Приходишь в ресторан — а там собирают деньги на помощь фронту, повсюду волонтеры... Обычно в зоне конфликта есть какой-то спектр мнений, разные точки зрения на происходящее. Но тут подавляющее большинство людей сейчас делают все возможное, чтобы защитить свою страну. Чувствуется единение огромного масштаба. Смотреть на то, что происходит с Украиной, невероятно грустно, но в то же время борьба украинцев за свободу и демократию вызывает восхищение.

Хоспис в Часовом Яре. Фото: Ed Ram

Для меня один из самых знаковых снимков этого года — фото из освобожденного Херсона. Мы были там спустя пару дней после того, как российские войска отступили, и видели, как люди жили все это время под оккупацией. Но я разрываюсь и, наверное, расскажу лучше про снимок из хосписа в городе Часов Яр, где я побывал, кажется, в апреле или в начале мая. Там было около 15 стариков, у которых нет семей и дома, а также денег и возможности куда-либо уехать. Абсолютно покинутые люди посреди Донбасса. И ведь большую часть своей жизни они прожили при Советском Союзе, а сейчас Россия их бомбит. После публикации этой истории на их эвакуацию собрали деньги, и стариков удалось перевезти на Запад.

Станислав Сеник. «Я встретился с супергероями»

Это фото я сделал на вокзале в Киеве после 24 февраля. Мужчины оставались, а их семьи с детьми уезжали туда, куда не долетают ракеты. За год войны исполнилась моя мечта детства: я встретился с супергероями. Оказалось, они всегда были рядом. Это — украинцы, которые сейчас воюют за независимость и готовы отдать жизнь за идею, за будущее детей, за Украину.

Фото: Станислав Сеник

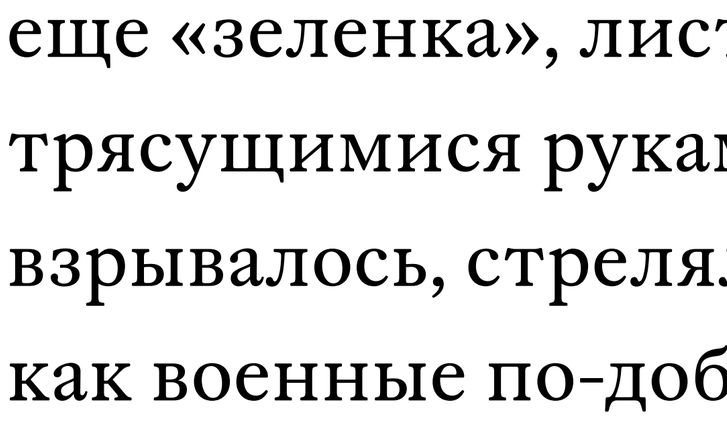
Серию фото выпускников я сделал в Чернигове летом, чтобы показать, в каких условиях детям пришлось жить и заканчивать школу. Этот танк стоял на улице, один парень туда залез и нашел внутри патрон. Подарил мне, он у меня дома стоит.

Выпускники школ в Чернигове. Фото: Станислав Сеник

Андрей Дубчак. «Пытаюсь не путаться под ногами»

Это фото из окопов под Золотым возле Попасной, сделанное в октябре. Был бой, была эскалация, и чувствовалось, что ситуация становится хуже. Я находился с молодым бойцом 24-й бригады, для которого это был первый бой. Утро, все побежали на позиции, я тоже проснулся. На дворе стояла еще «зеленка», листья не опали, а молодой боец трясущимися руками надевал ботинки. Потом все взрывалось, стреляло, падало. После боя я слушал, как военные по-доброму шутили над этим пацаном, хвалили его: как он себя вел, что спрашивал. То есть это была такая отдушина для них, ребята шутили, пытаясь снять стресс.

Молодой солдат 24-й бригады в окопах у поселка Вольный, Луганская область. Фото: Андрей Дубчак / Donbas Frontliner

Потом я видел этого молодого хлопца еще один раз, через полтора месяца, наверное. Он изменился: вел себя уверенно, приобрел уважение других военных. Грубо говоря, стал воином. Не знаю, что с ним и его подразделением. Знаю, что потом там были страшные бои, и они их приняли. Надеюсь, он живой.

Фото: Андрей Дубчак / Donbas Frontliner

А это снимок из Запорожского центра для беженцев, сделанный в конце апреля. Восьмилетняя девочка Злата так реагировала на приезд сестры, та только что выехала с оккупированной территории через линию фронта. И знаете, это были не эмоции ребенка. Это были эмоции человека, который уже познал, что такое утрата и возможность смерти.

Я знаю, как себя вести во время обстрелов, и, естественно, работаю в полной защите. Был и под минометными обстрелами, и под пулеметными, и под кассетными, и под снайперскими — но, слава богу, это был плохой снайпер. В такие моменты пытаюсь не путаться под ногами у бойцов.

Все твое оборудование должно быть привычно. У моих фотоаппаратов специальное крепление: в случае опасности я могу их закинуть за спину и падать на живот, не разбивая технику. А еще очень важно знать, в каком кармане у тебя что лежит. Слева у меня турникет для остановки крови, израильский бандаж, кошелек, тряпочки для чистки объектива,

удостоверение и аккредитация. Правый карман на бедре — нож, девайс для чистки линз, телефон, налобный фонарик. Есть еще пояс разгрузочный, в нем большая аптечка с дополнительным турникетом, кофр[4] для линз, сумка с ночной камерой и дымовая граната. Ну, и на бронике у меня еще один карман с турникетом, карабины для каски, очки. Ну, это так, если вкратце.

К сожалению, кто-то из героев моих фото уже погиб, и сначала сильно травмировало, когда я об этом узнавал. Но сейчас психика уже дистанцируется. Можно назвать это профдеформацией или привыканием, но суть одна. Боль воспринимаешь по-другому: она более приглушенная, и ты пытаешься от нее уйти.

---

1. Дословно — «восстание». Арабское освободительное движение вообще и сопротивление палестинцев израильтянам в частности. Вторая интифада в Израиле продолжалась с 2000 по 2005 год.
2. Военно-транспортный вертолет Ми-8АМТШ.
3. Координатор на месте событий.
4. Жесткий чехол.